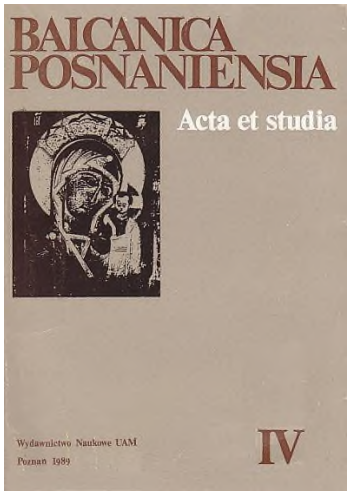

Иванова Юлия В., *Балканское крестьянство в антиосманских движениях XVIII–XIX вв*, „Balcanica Posnaniensia. Acta et Studia" 1989, т. 4, с. 313–324.

https://doi.org/10.14746/bp.1989.4.22

https://pressto.amu.edu.pl/index.php/bp/article/view/54794

Instytucją przechowującą materiały źródłowe jest Biblioteka Collegium Historicum Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
http://bch.amu.edu.pl

The institution storing the source materials is the Library of the Collegium Historicum of the Adam Mickiewicz University in Poznań.
http://bch.amu.edu.pl

Zadanie zostało zrealizowane w ramach konkursu „Społeczna odpowiedzialność nauki II – Wsparcie dla bibliotek naukowych". Projekt zatytułowany „Digitalizacja archiwalnych wydań czasopism naukowych zgromadzonych przez Bibliotekę Coll. Historicum UAM". Projekt dofinansowany ze środków budżetu państwa, przyznanych przez Ministra Nauki w ramach Programu Społeczna odpowiedzialność nauki II. Wsparcie dla bibliotek naukowych (umowa nr BIBL/SP/0092/2024/02 z dnia 05.12.2024). Całkowita wartość projektu: 247 236,00 zł. Kwota dofinansowania: 220 836,00 zł.

The task was carried out within the framework of the competition "Social Responsibility of Science II – Support for Scientific Libraries". The project entitled "Digitization of archival editions of scientific journals collected by the Library of the Coll. Historicum of Adam Mickiewicz University". The project was co-financed from state budget funds granted by the Minister of Science within the framework of the Programme Social Responsibility of Science II. Support for Scientific Libraries (agreement no. BIBL/SP/0092/2024/02 of 05.12.2024).
Total value of the project: PLN 247,236.00.
Amount of co-financing: PLN 220,836.00.

UNIWERSYTET
IM. ADAMA MICKIEWICZA
W POZNANIU

BALCANICA POSNANIENSIA IV
UAM Poznań 1989

БАЛКАНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В АНТИОСМАНСКИХ ДВИЖЕНИЯХ XVIII - XIX ВЕКОВ

Юлия В. Иванова

Abstract. Ivanova Julia V., *The participation of the peasantry of Balcan countries in the anti-Ottoman movements in the 18th and the 19th centuries.* Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, IV, Poznań 1989, Adam Mickiewicz University Press, pp. 313 - 324, ISBN 83-232-0231-1. ISSN 0239-4278. Text in Russian.

The author discussed in her article numerous forms of social (class) struggle waged by various categories of subjected and free rural population in the Balkans with the feudal Turkish regime. The author characterized the ethos of this struggle, its reflection in the folklore and the role which it fullfilled in the process of national rebirth of Balkan nations in the 19th century.

Julia V. Ivanova, Institute of Ethnography of Academy of Sciences USSR, Moscow, USSR.

В жизни балканских народов двухсотлетний период — XVIII - XIX веков — это время крушения военно-ленной системы Османской империи, победы полной частной собственности на землю над условным ленным держанием, вызревания первых начатков буржуазных отношений; в общественной жизни — это глубокое социальное расслоение внутри каждого отдельно взятого балканского этноса; в идеологическом плане выдвижение на первый план этнического самосознания за счет конфессионального (и связанного с ним социального: мусульмане — христинерайяты), игравшего главную роль в средневековом сознании. Как синтез, как диалектическая вершина этих процессов — размах национально-освободительного движения угнетенных народов в Османской империи и в Австрии (Австро-Венргии), принявшего организованные формы и завершившегося созданием самостоятельных национальных государств.

Антиосманские настроения владели жителями Балканского полуострова в течение всего периода османского господства — начиная с территориальных завоеваний, вооруженное сопротивление которым балканские народы оказывали с той или иной степенью интенсивности, и кончая войнами первой четверти XX в. На протяжении столь длительного периода менялись организационные формы антиосманских движений и социальный состав их участ-

ников. Наибольшее развитие эти движения получили в XVIII - XIX вв. Этнические общности, завоеванные Османской империей, были весьма неоднородны по уровню общественного развития, государственного устройства и степени устойчивости этнической культуры и этнического самосознания. Поэтому столь разнообразны оказались формы взаимоотношений между завоевателями и покоренными.

Известная часть феодалов-землевладельцев ради сохранения собственности и привилегий принимала ислам, вливалась в феодальный класс Османской империи. Таким образом, правящая феодальная верхушка империи по происхождению была полиэтничной. На эту верхушку опиралась османская администрация в управлении подвластными землями; из этой среды рекрутировались спахии, получавшие земли в ленное держание на условии военной службы, правители разных рангов, управлявшие различными территориально-административными единицами Османской империи, границы которых постоянно менялись, лица, возглавлявшие сельское самоуправление и т.п.

Крестьяне (которые в основной массе своей сидели на спахийских землях) и городской народ в своем большинстве сохранили традиционную культуру. Все немусульманское население (с XVIII в. именуемое *райей*) было ущемлено в правах и задавлено налогами и всевозможными поборами в пользу и государственной казны, и собственных феодалов. Таким образом, главной социальной меткой в этой ситуации стало вероисповедание. Сознание этнической принадлежности имело меньшее значение, хотя отнюдь не было утрачено подданными империи[1].

Начиная с конца XVII в., на протяжении всего XVIII и особенно в XIX в. положение значительно изменилось. Военно-ленная система перестала существовать — сначала фактически, а потом и в соответствии с государственным законодательством.

В результате реформ, проведенных Высокой Портой в середине XIX в., установилась полная частная собственность на землю. Среди балканских крестьян возникла категория владельцев частной наследственной земли. Крестьяне — собственники, выкупавшие земли разорявшихся спахиев, разумеется, принадлежали к зажиточной части сельского населения[2].

В Сербии еще раньше, в ходе первого сербского восстания 1804 - 1813 годов сербские власти распродавали турецкую недвижимую собственность, которую приобретала главным образом сельская буржуазия. Борьба крестьянства против этой новой категории эксплуататоров, а также воевод, самовольно захватывавших не только пустующие турецкие, но и крестьянские земли, была весьма острой[3].

---

[1] А. С. Тверитинова, *О некоторых важных аспектах изучения турецкого феодализма*, (в кн.:) *Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма*, Кишинев 1973, с. 69 - 70.

[2] *История Болгарии*, I, Москва 1954, с. 220 - 221.

[3] *История Югославии*, I, Москва 1963, с. 317 - 318, 321.

Крестьяне, находившиеся в феодальной зависимости от османского государства были свободны от помещичьей зависимости. После земельных реформ середины XIX в. они удражали в своих руках государственные земли (как и вакуфные)[4].

В многоукладной общественной структуре балканских народов существенное место занимали лично свободные крестьяне. В значительной степени к этой категории принадлежало население труднодоступных лесистых и горных районов.

Основная же масса крестьян, в ходе превращения ленных держаний в наследственные поместья (*чифлики*) оказалась прикрепленной к земле и находилась в самом бедственном положении: от них путем безмерного увеличения налогов отнимали не только добавочный продукт, но и большую часть необходимого продукта. Значительные площади государственной земли захватывали новоявленные помещики, а крестьяне лишенные владельческих прав на землю, опутанные долгами, оказывались на положении нанимателей помещичьей земли[5].

В XIX в. появилась новая категория эксплуатируемого люда—сельскохозяйственные рабочие, вышедшие из среды беднейших крестьян: в Болгарии — *момки*, *ратаи*, *аргати*, в Боснии — *колыбары*, в Албании — *рогтары*, *аргаты*, в Черногории (менее других балканских стран затронутой процессом развития товарно-денежных отношений) были наемные пастухи *момки*[6].

Наряду с постепенным (но особенно проявившимся после земельных реформ 1850 - 1860-х годов, разрешивших владение землей христианам) приобщением верхушки общества к непосредственной хозяйственной деятельности (чифликчиство, торговля), расслоение крестьянства, выделение из его среды сельской буржуазии и сельскохозяйственных рабочих, продававших свою рабочую силу, означало зарождение и формирование элементов капитализма. При этом следует еще учитывать расслоение в среде городских жителей: слой зажиточных ремесленников и торговцев — с одной стороны, наемные рабочие (зародыш промышленного пролетариата) — с другой. Таким образом, первые симптомы зарождения капиталистических отношений неизбежно сочетались с подвижностью внутри каждого этноса: складывалась более сложная социальная стратификация[7]. Объединение и размежевание сил в антитурецких движениях все более основывалось на классовых принципах.

---

[4] *История Болгарии*, I, с. 219, 221; *История Югославии*, I, с. 600.

[5] *История Болгарии*, I, с. 170 - 171, 183 - 184, 216; *История Югославии*, I, с. 357 - 360, 368 - 370, 601 - 602; Г. А. Арш, И. Г. Сенкевич, Н. Д. Смирнова, *Краткая история Албании*, Москва 1965, с. 44 - 47, 77 - 79; Н. И. Хитрова, *Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50 - 70-х годах XIX в.*, Москва 1979, с. 30 - 35.

[6] *История Югославии*, I, с. 359, 476, 509, 625 - 626; *История Болгарии*, I, с. 217 - 218; Хитрова, *Черногория*, с. 30.

[7] С. Димитров, К. Манчев, *История на балканските народи*, София 1971, с. 131 - 138.

Со второй половины или последней трети XVIII в. в обстановке разложения феодальных и формирования капиталистических отношений у большинства балканских народов начался процесс формирования наций, который продолжался весь XIX век. Он был подготовлен исподволь всем ходом политического и экономического развития, сопряжен с формированием национальных культур и национального самосознания[8].

В этот период антиосманские выступления вступили в этап национально-освободительного движения. Их главной движущей силой было крестьянство, для которого в антиосманских движениях сливалась в большинстве случаев воедино борьба и против феодального угнетения, и против иноземного владычества.

Допуская некоторую степень схематизации, можно выделить три вида антиосманских выступлений в Юго-Восточной Европе: бегство как пассивная форма сопротивления; партизанские действия небольших подвижных отрядов (их собирательное название — гайдуки); массовые восстания.

Уже во время завоевательных походов османов XV - XVI вв. часть жителей городов и сел эмигрировали за пределы родины или же бежали в горные и лесистые районы, менее доступные для завоевателей[9].

Особенно частыми стали побеги крестьян из чифликов в XVII - XVIII в., когда сделалась невыносимой эксплуатация прикрепленных к земле крестьян со стороны феодалов всех рангов, лишившихся былых легких прибылей в результате сокращения завоевательных походов османских султанов и выколачивавших деньги из собственных крестьян.

Активной формой антиосманской борьбы балканских народов было гайдучество. В разных областях Балканского полуострова действовали *юнаки, гайдуки, клефты, ускоки, четники, качаники, цуби, поликары.* Есть некоторая разница в образе жизни этих категорий борцов, в организации походов, в их конкретных целях. Но суть их действий, весь смысл их возникновения и существования в принципе одинаковы[10].

---

[8] В. А. Дьяков, *Эпоха национального возрождения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*, (в кн.:) *Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*, Москва 1977, с. 19 - 37; И. С. Достян, *О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов*, там же, с. 223 и след.

[9] J. Cvijić, *Балканско полуострово и южнословенске земье*, Београд 1922, с. 161 - 203.

[10] А. П. Ровинский, *Черногория в ее прошлом и настоящем*, II, 2, СПб., 1901, с. 52 - 94; И. С. Достян, *Борьба сербского народа против турецкого ига: XV-начало XIX в.*, Москва 1958, с. 56 - 58, 64, 77 - 79, 84, 102, 113, 156, 168; *История Болгарии*, I, с. 179, 192 - 197; V. Rašić, *Клефте и сулиоте: историска расправа*, Београд 1892; Б. Цветкова, *Хайдутство в българските земли през XVI - XVIII в.*, Исторически преглед, 4, 1968; B. Hrback, *Pomeni hajdučkih akcija na Kosovu i u Srbiji u XV, XVI, XVII veku*, Vjetar i arkivit të Kosovës, VIII - IX, Prishtinë 1975.

Основные черты гайдукского движения заключались, во-первых, в том, что оно вырастало из протеста самых широких угнетенных масс, преимущественно крестьянских. Гайдуцкие отряды, чрезвычайно изменчивые и по численности (от десятков человек до нескольких тысяч), и по составу, постоянно обновлявшемуся, действовали обычно в благоприятное для жизни в горах время года, а на зиму их бойцы расходились по домам, занимались крестьянским трудом, чтобы весною вновь соединиться в боевые дружины. Они получали от населения и новых бойцов материальные ресурсы. Без широкой поддержки населения они не могли бы существовать: она заменяла им и тыл, и обоз.

Гайдучество являлось своеобразной формой экспроприации богатства привилегированных в пользу неимущих. Однако в силу своего стихийного характера зачастую защита населения от турок сопровождалась прямым грабежом самого местного населения[11].

Гайдуки были весьма различны по социальной принадлежности, далеко не всегда ясно понимали политическую обстановку, расстановку классовых сил. Среди них были и сознательные борцы за народную свободу, и неустойчивые элементы. Например, в Болгарии в XIX в. некоторые отряды гайдуков присоединились к кирджалиям — разбойничьим вооруженным группам, состоявшим преимущественно из анатолийских турок — бывших солдат султанской армии, а также из деклассированных местных жителей[12].

Руководили гайдукскими отрядами наиболее опытные бойцы, их авторитет основывался на личных боевых и организационных качествах.

Во время войн Османской империи с европейскими державами крестьяне, — земледельцы и скотоводы, — присоединялись к гайдукам. В этих случаях гайдучество как форма народного протеста перерастало в народные восстания. Весьма знаменательно, что в боевые отряды соединились порою люди различных вероисповеданий, объединенных одной целью — борьбой с поработителями[13]. Однако это перерастание не происходило одновременно в разных областях и не охватывало всех групп населения. Оно носило, как правило, локальный характер; в этом была слабость подобных антиосманских выступлений.

Возникнув как следствие стихийного, но осознанного и активного сопротивления угнетенных народов против иноземных поработителей и социальных

---

[11] Г. Гроте, *По азиатской и европейской Турции*, Москва 1904, с. 136, 169; Хитрова, *Черногория*, с. 20; И. Г. Сенкебич, *Албания в период Восточного кризиса*, Москва 1956, с. 67 - 68, 88.

[12] *История Болгарии*, I, с. 237 - 238.

[13] Например, в середине XVII в. в направлении Топлица-Косово действовала крупная группа, большинство которой составляли православяне, но были и католики из Янево, и мусульмане из Косово — B. Hrback, *Pomeni*.

угнетателей всех рангов и любой этнической принадлежности, гайдукское движение в свою очередь оказывало огромное воздействие на общественную жизнь и на сознание балканских народов. Гайдукские песни — значительный пласт в фольклорном творчестве на всех балканских языках; гайдукский фольклор болгар и сербов, клефтские песни греков, песни качаников среди албанцев — составили целую эпоху в развитии народного творчества и становлении национального сознания балканских народов[14].

Наиболее решительной формой протеста угнетенных народов были восстания. Освободительная антиосманская борьба народов Юго-Восточной Европы не была однотипной и не развивалась по восходящей линии. Напротив, антиосманские восстания характеризует чрезвычайная сложность их социального состава, личных особенностей руководителей движений, конкретных задач и результатов каждой акции.

Во главе антиосманских движений (это относится главным образом к восстаниям XVIII - XIX вв.) стояли лица нескольких категорий. Среди них были вожди свободных общинников, привилегированной райн; это были как старейшины традиционных общинно-территориальных единиц, так и руководители местного самоуправления, назначенные на эти посты османской администрацией; через тех и других Порта осуществляла непрямое управление районами, которые трудно было подчинить непосредственной османской власти. Двойственность позиции этих людей заключалась в том, что в напряженные моменты народных волнений они, обладая высоким авторитетом среди соплеменников и следуя традиции, согласно которой старейшины общин были и военными вождями, оказывались во главе повстанческих отрядов. После подавления волнений, они вместе со всеми спешили укрыться в родных селениях, если только их не настигала месть турецких пашей[15].

Вторая категория руководителей движений — мелкие феодалы — христиане, тесно связанные с крестьянскими массами, несмотря на свое привилегированное положение в системе османско-феодального государства (не следует здесь смешивать народные движения с акциями феодалов, формировавших

---

[14] Б. Н. Путилов, *Место фольклора в комплексных славянских и балканских исследованиях*, (в кн.:) *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы*, Москва 1979; И. С. Миллер, *Культура и проблемы социальных и национально-освободительных движений славянских народов*, (в кн.:) *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций*, Москва 1978; И. М. Шептунов, *Хайдуцкое движение в фольклоре южных славян и болгарской литературе*, Москва 1982; Н. Л. Ручкина, *Греческие народные песни периода национально-освободительного движения XVIII-XIX в. (клефтские песни)*, Автореферат кандидатской диссертации, Москва 1982; M. Lambertz, *Die Volksepik der Albaner*, Halle 1959; F. Syla, *Popullore shqiptare e kaçanikëve*, Prishtinë 1982.

[15] И. С. Достян, *Борьба сербского народа против турецкого ига*, с. 41, 67, 85, 93, 132 - 134; Ю. В. Иванова, *Северная Албания в XIX—начале XX в.*, Москва 1973.

свои дружины из оплачиваемых наемников и действовавших в своих личных интересах)[16].

Следующую группу составляло духовенство[17].

Особенностью антиосманского движения было участие в нем торгово-ремесленного слоя как города, так и деревни. На сербских землях начиная с конца XVII в., в течение XVIII и особенно к концу XVIII в. среди руководителей восстаний преобладали торговцы — *прасолы*; для албанцев и для черногорцев (хотя и в меньшей степени) это стало характерным в середине XIX века[18].

В антиосманских движениях действовали различные силы: и горожане (торгово-ремесленный люд), и низшее духовенство, и определенная часть местных феодалов. Но основные отряды повстанцев состояли из крестьян — феодально зависимых и свободных общинников. Несомненно, эта последняя категория представляла собою серьезную силу.

Антиосманские движения на Балканах изучены подробно политической историей. Между тем они имеют большой интерес и для этнографии, так как в них сфокусировались многие стороны этнической ситуации на Балканах: переплетение этнических и социальных аспектов. Они были непосредственно связаны с групповой психолигией людей, в первую очередь крестьянства, которое составляло большинство населения.

Наиболее интересно в этом плане обратиться к судьбам общинного крестьянства.

Общинные начала были довольно сильны в Юго-Восточной Европе вследствие особенностей формирования феодализма в Византийской империи и прилегавших к ней областях Балканского полуострова[19].

В османскую эпоху общинная традиционная организация существовала в силу царившей в регионе многоукладности. Османская империя была социально-политическим образованием, задержавшимся в длительном переходном состоянии: она так и не достигла стадии развитого феодализма. Это была страна со множеством укладов феодальной формации, причем покоренные

---

[16] Достян, *Борьба сербского народа*, с. 80 - 83, 93; она же, *Освободительное движение южнославянских народов конца XVI-начала XVII в.*, (в кн.:) *Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма*, Кишинев 1973, с. 160 - 161; Арш и др., *Краткая история Албании*, с. 83.

[17] Ровинский, *Черногория*, II, 2, с. 3, 398; Достян, *Борьба сербского народа*, с. 59, 67, 70 - 71, 92; она же, *Освободительное движение*, с. 160 - 161; *История Болгарии*, I, с. 194; Хитрова, *Черногория*, с. 53.

[18] Достян, *Борьба сербского народа*, с. 93 - 94, 115, 134 - 137, 167 - 169; Хитрова, *Черногория*, с 53; P. Thengjilli, *Kryengritjet popullore në vitët 30-te shekullit*, XX, Tiranë 1978.

[19] З. В. Удальцова, К. А. Осипова, *Особенности феодализма в Византии*, Вопросы истории, 10, 1974; З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова, *К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе*, (в кн.:) *Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма*, Кишинев 1973; Г. Г. Литаврин, *Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII - XIV вв.*, там же; Е. П. Наумов, *Сербский феодализм накануне турецкого завоевания*, там же.

народы, — греки и славяне, — в XVIII - XIX вв. быстрее турок прогрессировали в капиталистическом направлении[20]. В последние десятилетия XIX в., когда капиталистические отношения, хотя и медленно, проникали в деревню, социальное неравенство, исподволь расшатывавшее общинные традиции, проявилось явственно. Сельская община в большинстве балканских областей превратилась в низшую административную единицу, самоуправление которой потеряло общинную сущность (особенно это характерно для Сербии). Вместе с тем в горных районах она сохранялась, ибо сохранялся наименее продвинутый уклад — мелкотоварный с известными пережитками натурального. Здесь преобладало скотоводство отгонного типа, которое являлось экономической основой общинных отношений. И это обстоятельство зависело не от этнической принадлежности жителей, а от экологических и социальных условий. Речь идет о таких областях, как Черногория, горная зона Северной Албании, Химара на юге современной Албании, Сули (Южный Эпир), Мани (Пелопоннес), Сфакья (остров Крит).

Характеристика балканской общины подробно дана в трудах ученых балканских стран[21], а также в работах советских историков и этнографов[22].

Для общины балканских народов, как и для любой сельской общины, характерна прежде всего двойственность в принципах землевладения: сочетание коллективной собственности на пастбища, леса, водоемы и т.п. угодья и частной собственности — на обрабатываемую землю и усадьбу. Преобладание того или иного вида собственности зависело от местных условий. Османская администрация приспосабливала старые общественные институты к нуждам военно-феодального государства, использовала общину как орган самоуправления для взимания налогов с населения по принципу круговой поруки.

В общинном самоуправлении были сильны элементы обычного права: третийский суд, клятва-присяга, остракизм (бойкот, изгнание из общины) как высшая мера наказания и т.п. В представлениях народа сохраняли высокий авторитет такие институты, как гостеприимство, кровная месть и процедура

---

[20] Димитров, Манчев, *История на балканските народи*, с. 127 - 129, 174 - 191.

[21] Ž. Bulajić, *Аграрни односи у Црној Гори*, Титоград 1959; L. Bogetić, *Комунице у Црно Гори у XIX и почетком XX века*, Титоград 1966; Е. Грозданова, *Българската селска община през XV - XVIII в.*, София 1979.

[22] Г. Г. Литаврин, *Болгария и Византия в XI - XII вв.*, Москва 1960; М. М. Фрейденберг, *Вервь в средневековой Хорватии*, Ученые записки. Великолукский пед. ин-т, вып. 15, 1961; он же, *К истории общины на Балканах*, Византийский временник, 21, 1962; Ю. В. Бромлей, *Становление феодализма в Хорватии*, Москва 1964; Ю. В. Иванова, *Основные проблемы изучения сельской общины на Балканах в трудах советских ученых*, (в кн.:) *VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук*, Москва 1964; М. С. Шихарева, *Сельская община у сербов*, (в кн.:) *Славянский этнографический сборник*, Москва 1960; Л. В. Маркова, *Сельская община у болгар*, там же.

ее примирения, искусственное (фиктивное) родство — побратимство, кумовство и многие другие[23].

Общественная, хозяйственная, идеологическая жизнь, а зачастую и политическая направлялась старейшинами, соединявшими функции управления и судопроизводства. Элементы начальной ступени социального господства, которое мы называем институтом старейшин[24], некоторые исследователи предлагают назвать „вожжеством"[25]. Старейшины (или вожди) были заинтересованы в сохранении традиции общественного устройства как гарантии данного способа производства[26].

Право самоуправления и сохранение традиционных правовых норм были связаны амбивалентно: с одной стороны отсутствие на местах твердой государственной власти вынуждало людей жить по тем законам и порядкам, какие в наибольшей степени отвечают их жизненным реалиям, их положению; с другой стороны — общественное сознание держалось за дедовские порядки как за символ политической (реальной или желаемой) независимости, гарантию своей религии и этнической обособленности.

Связь между особенностями общественной организации того или иного конкретного сообщества и степенью его участия в антиосманских движениях также была амбивалентной: в конкретных исторических условиях причины и следствия менялись местами.

В общинной организации заключалась и сила антиосманских движений, и их слабость. Община могла противостоять не только проникновенно турецкой администрации или вторжению военных отрядов в труднодоступные места но и распространению идеологии османизма. Итак, исторические горные области Северной Албании — Мальсия-э-Мадэ, Дукагьини, Мирдита и др. являли собою еще в начале XX в. крепко спаянные коллективы. В их среде консервировались общественные порядки, исторические корни которых восходили к родоплеменной структуре. Они оборонялись от наступления турецких карательных экспедиций, от фискального давления, а также от всякого рода претензий

---

[23] Ю. В. Иванова, *Родственные объединения на западе Балканского полуострова в их позднейших вариантах в XIX - XX вв.*, (в кн.:) *Первый конгресс балканских исследований. Доклады советской делегации*, Москва 1966; она же, *Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа*, (в кн.:) *Балканские исследования. Проблемы истории и культуры*, Москва 1976; Ć. Krstić, *Правни обичаји код Куча*, Београд 1979; P. Stojanović, *Неке поруке наследног обчајног права у Црној Гори и Северной Албании*, Balcanica VIII, 1977. S. Pupovci, *Gradanskopravni odnosi u zakoniku Leke Dukadinija*, Pristine 1968.

[24] Иванова, *Северная Албания*, с. 110 - 123.

[25] Л. Е. Куббель, *Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества*, (в кн.:) *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*, Москва 1982.

[26] К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, 25, с. II, с. 356.

(земельных и других) феодалов и соседних родо-племенных и территориальных групп. Исповедовали они католицизм. Напротив — байраки (административно-территориальные единицы, учрежденные Портой в целях непрямого управления), расположенные вблизи важной в стратегическом отношении дороги вдоль долины р. Дрин (Пука, Пульти и др.), были населены выходцами из разных областей, членами различных родо-племенных групп. Они теряли принцип взаимозащиты и взаимовыручки, поддерживаемые традиционным образом жизни; в их среду проникал ислам; их отношения с турецкой администрацией строились на условиях компромисса. Примеры такого рода можно найти на западе Македонии, на Юге Сербии и т.д.

Однако, в общинной организации таилась и слабость антиосманских движений. Она заключалась в разобщенности самых общин, в преобладании местных интересов. Если горцам той или иной местности удавалось изгнать турецкие отряды из своих границ, они тут же расходились по домам, не помышляя о поддержке соседей. Особенно противоречивой была позиция руководителей движения — феодализирующейся верхушки общинников. Они боролись за личное первенство, за обогащение, легко соглашались на сговор с османскими правителями и — соблазняясь денежными подкупами, шли на прямое предательство[27].

Только преодоление сепаратизма, объединение в крупные воинские соединения нескольких самостоятельно возникших отрядов, а тем более людей различной этнической принадлежности и вероисповедания могли принести существенные плоды. Понимание этой истины самими крестьянами, — под воздействием конкретных жизненных ситуаций и под влиянием идеологов Национального возрождения, — было, как правило, причиной крупных организованных восстаний[28].

В условиях изучаемого времени для развертывания антиосманских восстаний мало было одного желания. Для осуществления поставленных целей требовались реальные условия — людские контингенты и оружие. То и другое было у горцев — свободных общинников.

Каждый мужчина в этом был воином. Психология горца складывалась в результате опыта многих поколений. Чрезвычайно трудные условия жизни в малоплодородных местах с тяжелым климатом, ощущение постоянной опасности, необходимость совершать длительные переходы по горам в любое

---

[27] Достян, *Борьба сербского народа*, с. 134; Сенкевич, *Албания в период Восточного кризиса*, с. 56, 60 - 62, 86, 93, 158; Г. Л. Арш, *Албания и Эпир в конце XVIII - начале XIX в.*, Москва 1963, с. 210.

[28] Арш и др., *Краткая история Албании*, с. 41, 88 - 94; Сенкевич, *Албания в период Восточного кризиса*, с. 98, 101, 106 - 116, 130, 147, 170 - 172, 181 - 186; Хитрова, *Черногория*, с. 91 - 108, 125 - 147, 159 - 225, 252 - 322; *История Болгарии*, I, с. 252 - 258.

время года — все это закалило людей, сделало их выносливыми и неприхотливыми[29].

Социализация индивида проходила в семье и в сельском обществе — в той микросреде, где хранились традиции, во-первых, в силу имманентного развития общества (объем внешней информации был невелик), а во-вторых, в силу определенной нарочитой самоизоляции, в которой можно усмотреть пассивный протест против внешних враждебных сил государства поработителей. При социализации личности была принята ориентация на традиционные формы культуры, отвергались новые образцы, фронт новых социальных веяний сдерживался.

Большое влияние на подрастающее поколение оказывали женщины, которые у некоторых групп южных славян, албанцев и влахов имели высокий авторитет в семье, а случалось — в исключительных условиях пожилые женщины возглавляли семью. Эти хранительницы и ревнительницы местных традиций внушали своим детям глубокую приверженность правилам общественного поведения. Они воспитывали сыновей как будущих мстителей за павших от руки врагов отцов и близких родственников[30].

Каждый мальчик воспитывался как будущий воин. В знак совершеннолетия он получал из рук старших родственников оружие. Навыками военного дела обладали все — и миряне, и духовенство. Отсюда и проистекала реальная возможность осуществления задач повстанческого движения. Недаром разоружение горцев было основной заботой карательных экспедиций османской власти.

В таких условиях вырабатывалась определенная этика, свой кодекс чести. Их идеологическая сущность поддерживалась и закреплялась художественным творчеством народа: песни, сказания восхваляли храбрость, великодушие, приверженность родне, родным местам, родным обычаям[31]. Так складывались поведенческие стереотипы, которые в сознании народа воспринимались как общеэтнические[32].

---

[29] О бедности Черной Горы и неприхотливости ее обитателей слагались легенды. Описание этой страны кроме П. А. Ровинского, указ. соч., см. И. Г. Достян, *Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского*, (в кн.:) *Славяно-балканские исследования*, Москва 1972. Сходные условия были в Северной Албании, в Южном Эпире, в греческих областях Мани и Сфакья. См. Арш, *Албания и Эпир*, с. 128 - 131; он же, *Этеристское движение в России*, Москва 1970, с. 74.

[30] M. S. Filipović, *Žene kao narodni glavati kod nekih balkanskih naroda*, Godisnjak II, 1961, s. 141 - 154.

[31] S. Dučić, *Живот и обичаји племена Куча*, Београд 1931, с. 465 - 502 и др.; Иванова, *Северная Албания*, с. 172 - 177; Б. Н. Путилов, *Героический эпос черногорцев*, Ленинград 1982, с. 6 - 15, 181 - 201, 221 - 228 и др.; *Historia e letersisë shqipe*, Pristinë 1975, с. 56 - 90, 97 - 113.

[32] К. В. Чистков, *Фольклор и культура этноса*, Советская этнография, 4, 1979; А. С. Мыльников, *Народная культура и генезис национального самосознания*, там же, 6, 1981.

Участие крестьянства в антиосманских движениях имело большое политическое значение для всей Юго-Восточной Европы. Освободительное движение на Балканах являлось не только важным моментом в жизни самих балканских народов, но и серьезным фактором международной обстановки. Народы Юго-Восточной Европы сыграли существенную роль в преостановке османской экспансии в Европе и своими многочисленными восстаниями, и непосредственным участием в войнах, которые вели против Османской империи европейские державы и в первую очередь Россия[33].

В то же время в ходе антиосманских движений складывалось этническое самосознание балканских народов. В течение всего османского периода в народном сознании переплетались представления об этнической принадлежности, конфессиональной принадлежности, принадлежности к Османской империи (проблема „османизма"). Эти линии сознания в каждой конкретной группе (этнической, профессиональной, социальной) иногда совпадали, иногда пересекались. Они осложнялись классовой стратификацией внутри каждого этноса.

Этническое (а затем и национальное) самосознание, весьма размытое не только в османскую эпоху, но и в предыдущие периоды истории, выкристаллизовывалось в ходе тех антиосманских выступлений, которые можно отнести к категории национально – освободительных движений (практически на протяжении XIX в.), особенно в эпоху Национального возрождения на Балканах.

---

[33] Г. Л. Арш, В. Н. Виноградов, И. С. Достян, Е. П. Наумов, *Балканы в международной жизни Европы (XV - начало XX века)*, Вопросы истории, 4, 1981; *История Югославии*, I, с. 310 - 321, 352; Арш и др., *Краткая история Албании*, с. 55 - 56; И. С. Достян, *Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.*, Москва 1972; А. М. Станиславская, *Русско-английские отношения и преблемы Средиземноморья (1798 - 1807)*, Москва 1962.